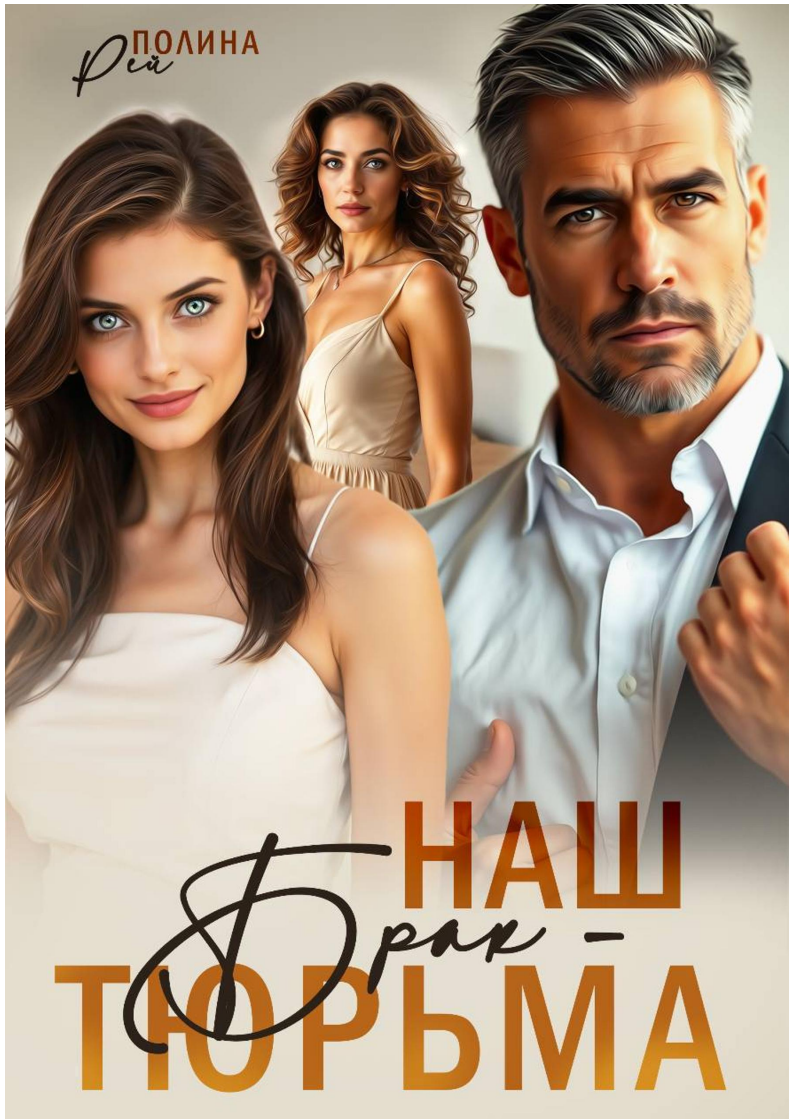

ПОЛИНА
Рей

НАШ
Брак -
ТЮРЬМА

Полина Рей

Наш брак - тюрьма

<https://litres.ru/73818819>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Я с тобой - как в тюрьме, Ир Не хочу я в сорок пять чувствовать себя за решёткой и понимать, что вот-вот сдохну!

- Это из-за неё? Той молоденькой девчонки? Ей двадцать всего, Серёж

Муж сообщил мне, что задыхается рядом, хотя мне казалось, что наш брак длиною в двадцать пять лет - это счастье.

- Да хоть сорок Она - дочь Анжелы, ее копия. Копия моей бывшей, которую я до сих пор люблю, понимаешь? Это шанс начать жизнь заново!

Муж хочет переkreить свою судьбу, а я - остаюсь за бортом.

Наш брак для него тюрьма и он хочет на свободу.

А я для него лишь досадная помеха.

От которой он готов избавиться любым способом

Полина Рей

Наш брак - тюрьма

- Я с тобой - как в тюрьме, Ир... Не хочу я в сорок пять чувствовать себя за решёткой и понимать, что вот-вот сдохну!

- Это из-за неё? Той молоденькой девчонки? Ей двадцать всего, Серёж...

Муж сообщил мне, что задыхается рядом, хотя мне казалось, что наш брак длиною в двадцать пять лет - это счастье.

- Да хоть сорок... Она - дочь Анжелы, ее копия. Копия моей бывшей, которую я до сих пор люблю, понимаешь? Это шанс начать жизнь заново!

Муж хочет перекроить свою судьбу, а я - остаюсь за бортом.

Наш брак для него тюрьма и он хочет на свободу.

А я для него лишь досадная помеха.

От которой он готов избавиться любым способом...

Я возилась на кухне с двух часов дня.

Три торта. Три пробника. Три попытки угадать, что именно ему захочется в его сорок пять.

Серёжа, конечно, говорил, что праздновать не хочет. «Ир, ну какой юбилей? Сорок пять - не круглая дата. Не надо ни-

чего, я просто хочу спокойный вечер дома».

Он всегда так говорит, а потом обижается, если не чувствует внимания. Я привыкла за двадцать пять лет брака понимать мужа с полуслова.

Мне вообще казалось, что я в целом уже знаю, как и что будет происходить дальше - свыклась с его поздними возвращениями. С телефоном, который он в последнее время даже в душ брал. С тем, что мы стали разговаривать только за ужином, да и то о детях или о его бизнесе.

Я списывала это на возраст и на усталость. Ему скоро сорок пять, он много работает, он имеет право быть немного отстранённым. Я же - жена. Моё дело - ждать и понимать.

И готовить.

Готовить я любила всегда. Особенно когда чувствовала, что могу сделать ему приятно.

Первый торт был шоколадным с вишней. Я перечитала рецепт три раза, потому что в прошлый раз коржи получились суховатыми. Сегодня добавила чуть больше масла и замесила тесто руками, как учила меня бабушка.

«Ты, Ирка, не доверяй всем этим венчикам, они душу не чувствуют».

Бабушка умерла через год после моей свадьбы. Она не одобряла Серёжу. «Красивый больно, - говорила. - С такими счастья не знают». Я тогда обижалась. А теперь иногда вспоминаю и думаю: может, она что-то видела? Но сразу отгоняю эти мысли - нечего себя накручивать.

Второй торт - медовый с орехами. Это классика. Я пекла такой на каждый его день рождения последние лет десять. Но в этом году мне захотелось чего-то нового. Может, потому что я боялась: Серёже надоело то же самое? Может, потому что сама я чувствовала, как что-то в нашей жизни требует перемен? Не знаю. Просто поняла, что медовый - это уже слишком предсказуемо. А Линьков в последнее время стал раздражаться на предсказуемость. Вчера, например, я пода-ла ему куриный суп, который он любит, а он поморщился: «Опять это варево?»

Я тогда растерялась - таких слов в сторону моих блюд, в которых я была докой, он раньше себе не позволял.

Третий торт был капризным. Панна-котта на сливках с ванилью и ягодным соусом. Я ни разу его не делала, но в интернете писали, что это просто.

Врали - непросто. Крем никак не хотел застывать ровно, я переставила форму в холодильник, достала, снова поставила. В какой-то момент мне показалось, что я вот-вот заплачу от того, что он никак мне не поддавался.

Я вытерла руки о передник - старый, в мелких пятнах от жира и шоколада - и посмотрела на часы. Половина шестого, а муж обычно приходил к девяти, если не позже. У меня есть ещё время.

Я как раз накрывала медовый торт полотенцем, чтобы не подсыхал, когда услышала звук открываемой двери.

Моё сердце пропустило удар, потом ещё один. Показа-

лось, что меня поймали на месте преступления.

Линьков вернулся в половине шестого? В будний день?

Я замерла с миксером в руке, хотя он уже был выключен и чист. Просто держала его, как дура, и смотрела на дверь, ведущую в кухню. Может, показалось и это сын? Серёжа ведь предупреждал, что сегодня они с партнёром обсуждают контракт, он точно не мог прийти рано. Сам сказал мне: «Не жди, буду поздно».

- Ир? Ты дома? - его голос раздался из коридора.

Низкий, чуть хриловатый, тот самый, от которого у меня всё ещё слабели колени, даже спустя столько лет.

- Да, Серёж! - крикнула я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, а не панически. - Я на кухне, сейчас выйду!

Я засуетилась. Три торта, три блюда, полотенца, миксер, миска с остатками крема. Как будто я не жена, а кондитер-неудачник, которого застукали с поличным.

Я пыталась прикрыть торты, но это было всё равно, что прятать слона. В итоге смирилась - заметит, значит так тому и быть.

Линьков вошёл, когда я вытирала руки. Подняла голову и сразу заметила: он выглядит уставшим, но не так, как обычно. После девяти вечера муж был просто выжатым, серым, молчаливым. Сейчас казался каким-то вымотанным до раздражительности. Глаза блестели, челюсть напряжена, на лбу глубокая морщина, которую я ненавижу, потому что она делает его злым.

Серёжа скинул пиджак на спинку стула у входа в кухню, ослабил галстук и только потом посмотрел на меня. Затем его взор прошёлся по столешнице.

- Это что? - спросил он, и голос его прозвучал как-то глухо.

В нём не было интереса, скорее лишь желание выказать раздражение.

Я улыбнулась - широко, чуть виновато, как девчонка, которую застали за тем, что она воровала шоколад из кухонного шкафчика. Я всегда так улыбалась, когда чувствовала себя неловко. Раньше муж называл это милым.

- Сюрприз, - сказала в ответ. - Но раз ты пришёл рано... в общем, это пробники к твоему дню рождения. Хотела выбрать, какой лучше испечь. Ты же говорил, что не хочешь праздновать, но я подумала...

- Я говорил, что не хочу ничего! - перебил Линьков зло.

Я заметила, как дёрнулся его кадык - он сглатывал раздражение.

- Я знаю, Серёж, - мягко сказала ему. - Но тебе скоро сорок пять и это не просто день рождения. Я хочу, чтобы ты почувствовал... ну, что мы тебя ценим. Я и мальчики.

Мальчики - прозвучало забавно. Антону двадцать четыре, Илье - двадцать два. Оба уже живут отдельно и строят карьеру. Но для меня они всегда останутся моими мальчишками.

Серёжа промолчал только посмотрел на полотенца, под которыми угадывались очертания тортов. Я вдруг испуга-

лась, что он развернётся и уйдёт, или скажет что-то резкое.

В последнее время он стал именно таким - резким. Раньше мог промолчать, проглотить, а теперь срывался. На меня, на наших сыновей, на своего водителя, который что-то там спутал.

Однако сейчас Линьков не ушёл.

- Ладно, - сказал он и махнул рукой, как будто смирялся с неизбежным. - Давай попробуем, раз уж испекла.

Я выдохнула и принялась отрезать маленькие кусочки. Тонкие, чтобы он мог оценить вкус, а не набить желудок. Я старалась, чтобы они были ровными, красивыми, на каждом - крем и красивые ягоды. Я помнила, что он любит, когда еда выглядит аппетитно.

Сначала подала ему шоколадный с вишней.

Он взял вилку, отломил немного, отправил в рот. Медленно и задумчиво прожевал.

Я смотрела на его губы, на то, как двигаются скулы, и думала о том, что я всё ещё нахожу его красивым. Сорок четыре, а он выглядит лучше, чем в двадцать. Тогда он был просто худым длинным парнем с острыми локтями и вечной усмешкой. Теперь - мужчина. Широкие плечи, седина на висках, уверенность в каждом жесте.

Я вышла за него в восемнадцать. Он взял меня замуж - не самую красивую, не самую яркую, но, как я верила - любимую. Знала, что до меня была какая-то Анжела, что он мучился после разрыва, а наша свадьба была спонтанной.

Мне тогда казалось, что это от большой любви - он так боится меня потерять, что не хочет ждать ни дня. И я готова была ради него на всё - бросила институт, подруг, свою дурацкую мечту о маленькой кофейне с книжными полками. Сделала это ради парня, который даже не сказал «я тебя люблю» на свадьбе, зато бесконечно повторял: «какая же ты у меня хорошая».

Я родила ему сына через год, потом второго. Дом, ужины, стирка, его встречи с партнёрами, звонки клиентам, проверка домашних заданий, родительские собрания. Я стала его тылом и ни разу об этом не пожалела. Потому что любила и думала: раз он выбрал меня, значит, я особенная.

А он всё строил бизнес - поднимал его с нуля, с маленькой забегаловки до трёх ресторанов и сети магазинов. Я гордилась им, и даже когда он начал приходить поздно, эта самая гордость никуда не делась.

Только теперь, глядя на то, как он безо всякого выражения жуёт мой шоколадный торт с вишней, я почувствовала что-то неладное. Как будто холодная вода капнула за шиворот, заставляя меня поёжиться.

- Ну как? - спросила у Линькова.

- Нормально, - сказал он и отложил вилку. - Давай следующий.

Медовый он попробовал ещё быстрее. Кивнул, не глядя на меня. Потом настала очередь панна-котты. И вдруг его лицо чуть смягчилось.

- Этот, - сказал он, указав на третий, тот самый капризный, с ванилью и ягодами. - Пеки этот.

Я обрадовалась так искренне, по-детски, что у меня аж щёки порозовели. Представила, как испеку такой же, только большой, украшу свежими ягодами и мятой. Все гости будут в полном восторге.

- Хорошо, Серёж, - сказала мужу. - Я сделаю такой на всю семью. Мальчики приедут, ты же знаешь, они любят сладкое.

Он ничего не ответил, просто сел за кухонный стол и жестом велел мне садиться напротив.

Я убрала торты в сторону, сняла передник, повесила его на крючок у холодильника и устроилась на своём месте.

Сергей смотрел на меня долго, и таким взглядом, что по нему словно бы читалось: перед ним проблема, которую нужно решить.

- Ир, - сказал он наконец чуть севшим голосом. - Нам нужно кое-что обсудить. Это очень важно.

Внутри появилось предположение: может, он хочет обсудить отпуск? Или покупку новой машины? Или сказать, что решил нанять мне помощницу по дому, потому что я слишком много на себя беру?

Сергей молчал, только смотрел куда-то мимо меня, в окно, за которым уже начинало сереть. Я терпеливо ждала. За двадцать пять лет научилась этому и довела умение до абсолюта.

Ждать, когда он вернётся с работы. Когда заметит, что

я постриглась. Когда скажет «я тебя люблю». Последнего, кстати, так ни разу и не прозвучало, но почему-то я продолжала надеяться.

- Ир, - начал он и провёл ладонью по лицу, как будто пытался стереть след чего-то. - Я не знаю, как это сказать, чтобы не было больно, однако понимаю - больно будет в любом случае.

Сердце кольнуло, когда меня окутало пониманием, что сейчас прозвучит что-то жуткое.

- Говори как есть, Серёж, - тихо попросила мужа. - Мы всегда всё говорили друг другу искренне.

Он усмехнулся - горько, одними уголками губ.

- Рядом с тобой... я задыхаюсь, - выдал он, и каждое слово показалось огромным и тяжёлым, словно многопудовый камень. - Понимаешь? Я как в тюрьме. Всё сложилось - дом, работа, ты, дети. Всё на своих местах вроде бы, но дальше - день сурка. Один и тот же, до бесконечности. Я просыпаюсь и знаю, что будет через час, через два, через год. И мне... страшно, Ир. Мне незачем больше жить. Нет цели. Нет смысла. Только эта бесконечная клетка, из которой нет выхода.

Я смотрела на него и не узнавала - этот сильный, уверенный мужчина, который строил бизнес с нуля, который никогда не жаловался, который тащил на себе всю семью - сейчас сидел напротив и говорил, что его жизнь кончена.

- Серёж... - начала я, но он перебил.

- Не надо говорить, что это не так, Ир. Не надо убеждать,

что это пройдёт. Не нужно предлагать сходить к психологу или поехать в отпуск, потому что у меня кризис среднего возраста. Вы же, бабы, так о нас думаете, правда?

Он смотрел на меня насмешливо, но наряду с показным сарказмом в глазах пылали настоящие горечь и решимость.

- Я всё это уже прокрутил в голове. Не поможет, - вынес вердикт Линьков.

Я замолчала и вдруг, сама не зная почему, вспомнила одну девушку, которую видела рядом с ним пару недель назад. Я заехала в центр города, чтобы забрать заказ из магазина, и заметила Сергея в кофейне на набережной. Он сидел за столиком у окна, а напротив него устроилась молодая девица, лет двадцати, с длинными тёмными волосами и невероятно знакомым разрезом глаз.

Я тогда замерла за стеклом, не решаясь войти. А потом он меня заметил, вышел, сказал, что это просто знакомая Антона - дочка его партнёра по бизнесу. Она хотела проконсультроваться по учёбе.

Я тогда ему поверила. Впрочем, как и всегда.

- Это из-за неё? - спросила внезапно, и голос мой дрогнул. - Той девчонки из кофейни? Ты говорил, она знакомая Антона...

Он посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло самое настоящее облегчение. Господи, только не это! Линьков ощущал лёгкость от того, что не придётся самому начинать этот разговор!

- Она - не знакомая Антона, ты всё верно поняла, - сказал он глухо. - Это дочь Анжелы. Её зовут Диана.

Показалось, что мир кругом вдруг перестал существовать. Я слышала слова, но в них словно бы не было никакого смысла.

Анжела. То имя, которое он никогда не произносил вслух, но которое висело между нами все двадцать пять лет. Я знала о ней только то, что она была до меня. Что он её любил, а она его бросила. Порой мне казалось, что на мне он женился назло - только поняла я это гораздо позже, уже тогда, когда у нас были дети, дом, общая жизнь. Я запретила себе об этом думать - не было смысла. Вот он, Сергей, рядом. И у нас всё так хорошо... Так зачем трепать себе нервы?

- Я случайно её увидел, - продолжил муж, и в его голосе появилась какая-то страшная, непривычная мне живость. - Она - копия Анжелы. Та же улыбка, тот же взгляд, те же жесты. Я словно вернулся на двадцать с лишним лет назад, Ир. Понимаешь? Я смотрел на неё и чувствовал то, что давно умерло. Или я думал, что умерло.

- Вы встречались? - спросила я шёпотом. - За моей спиной?

Он не опустил глаза и не отвел взгляд. Сказал прямо, как ножом полоснул:

- Да. Уже несколько недель. И она... она влюбилась в меня, Ир. С первых двух встреч. Я ей ничего не обещал, не давал, но вижу - она сама смотрит на меня так, как ты не смот-

рела никогда. Как будто я - целый мир.

Воздух стал таким тяжёлым и вязким, что мне показалось, будто я никогда не смогу сделать следующего полноценного вдоха... В груди разрасталась пустота, холодная и бесконечная, и в этой пустоте было только одно: «двадцать пять лет». Двадцать пять лет я кормила его, рожала ему детей, стирала его рубашки, терпела его поздние возвращения, его молчание, а порой и равнодушие. Я думала, что это и есть любовь. Ведь любовь - это терпеть и ждать. А он всё это время... он просто отбывал срок.

- Серёжа, - сказала я, и голос мой вдруг окреп, потому что если я сейчас не скажу хоть что-то, я просто умру здесь и сейчас. - Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты понимаешь, как мне больно?

- Понимаю, - ответил он, и в его голосе не было раскаяния. Была лишь усталость от меня и нашего с ним брака.

- Но я не могу больше, Ир. Я с тобой - как в тюрьме, - повторил он вновь то, что меня буквально убивало. - Тюрьма, в которой нет воздуха. И я хочу на свободу.

Он сказал это прямо вот так, с разбега, в лоб. Фразу, которую, наверное, репетировал по дороге домой. Я смотрела на его губы, которые только что это произнесли, и не верила, что всё это происходит на самом деле.

- Я хочу уйти от тебя, - добил меня Линьков. - Но ты не переживай - я не брошу тебя на произвол судьбы. Куплю тебе маленькую квартиру, не здесь, в центре, а, скажем, в спаль-

ном районе. Дам денег, чтобы ты встала на ноги. На первое время хватит, а дальше... ну, ты женщина умная, найдёшь себе работу или что-то в этом роде. Я же понимаю, что ты много лет посвящала себя семье и тебе нужен старт в жизни.

Он говорил об этом так спокойно, так буднично, как будто мы обсуждали, куда поставить новую стиральную машину.

Квартира. Отступные. Встать на ноги.

Через двадцать пять лет брака, когда мне сорок два, когда я ни дня не работала по найму, когда я забыла всё, что умела, кроме как быть его женой, он говорил мне, что я нуждаюсь в жизненном старте.

- Ты серьёзно? - спросила у Сергея, и слёзы, которые я сдерживала из последних сил, всё-таки потекли по щекам. - Ты сейчас говоришь мне, что променял меня на какую-то девчонку, которая годится тебе в дочери, и предлагаешь мне отступные?

- Она не какая-то, - поправил он, и впервые за весь разговор в его голосе появились резкие нотки. - Она - дочь Анжелы. И это мой шанс, Ир. Шанс начать всё заново. Не отнимай его у меня!

Я смотрела на него и понимала, что этот человек, с которым я прожила четверть века, мне совершенно не знаком. Я даже предположить не могла, что он способен на такую жестокость. Не знала, что он носил в себе эту любовь к другой все эти годы. И каждое моё «я тебя люблю» разбивалось о его равнодушие, как волны о скалу.

Он встал из-за стола и это было окончание моего приговора.

- Я сейчас соберу вещи, - сказал Сергей, не глядя на меня.
- Поживу пару дней отдельно - в гостинице. А потом решим, как быть дальше с документами. Ты не бойся, я всё оформлю по-честному. И спасибо тебе, Ир. За всё. За сыновей, за дом, который ты вела. Я правда благодарен и не брошу первое время.

Он повернулся и вышел из кухни, а через минуту я услышала, как открылась и закрылась дверь спальни - он пошёл собирать вещи.

Я же осталась сидеть за столом, на котором ещё стояли дурацкие торты для праздника, который уже не случится, ведь по сути, он никому не нужен.

Я смотрела на панна-котту, на идеально ровную поверхность, и думала: как же так? Как можно прожить с человеком двадцать пять лет, родить ему двоих детей, отдать ему всю себя - и однажды услышать: «Я с тобой как в тюрьме».

Я обхватила себя руками и тихонько завывала. Едва слышно, чтобы это не стало достоянием ушей Сергея. Потому что даже сейчас, разбитая и уничтоженная, я всё ещё боялась показаться ему неудобной.

Через десять минут хлопнула входная дверь - муж даже не зашёл сказать мне ещё хоть слово.

Я осталась одна. С тортами и кухней, в которой всё пахло ванилью и ягодами.

И с разбитым сердцем, которое уже точно было не склеить...

Я была уничтожена.

Я не помню, сколько просидела за столом. Минуты складывались в часы, но я всё не могла пошевелиться. Только представляла себе, что муж, наверное, уже в отеле с этой двадцатилеткой, и меня корёжило.

Смешно, но эта девка ещё не появилась на свет, а я уже была замужем и с двумя детьми...

Я всё же поднялась из-за стола, опираясь на столешницу, и вдруг меня накрыло. Такое бывает только в фильмах, думала я раньше: человека трясёт, зубы стучат, руки дрожат, а он не может это контролировать. Сейчас поняла - это правда. Меня колотило так, что я едва держала телефон, который схватила дрожащими пальцами, словно спасательный круг. Первым делом набрала Антона, моего старшего. Ему двадцать четыре, он уже взрослый мужчина, но для меня навсегда останется тем, кого я впервые взяла на руки в роддоме и заплакала от счастья.

Гудки. Один. Второй. Третий. И наконец, как избавление, ответ:

- Мам? - голос его звучал встревоженно, он всегда чувствовал, когда что-то не так. - Ты чего так поздно? Что случилось?

Я открыла рот, но из горла вырвался только какой-то

хрип. Слезы душили меня, и я, как ни пыталась взять себя в руки, не могла выдать ни слова.

- Мам! - повторил Антон уже громче. - Ты меня слышишь? Я сейчас приеду, только скажи, что случилось?!

- Он ушёл, - прошептала в ответ. - Антоша, он ушёл. Твой отец... он меня бросил. Сказал, что я для него - тюрьма. Что он задыхается рядом со мной и у него есть другая. Та девочка, дочь Анжелы, Антош, ты понимаешь? Дочь той, которую он любил до меня! Он всё это время хотел её. А я была... я была для него как мебель...

Слова вылетали из меня хаотично, я захлёбывалась ими, как тонущий человек. Антон слушал, не перебивая, я только и слышала, что его дыхание - частое, тяжёлое, надсадное... Похоже, он тоже не мог в это поверить.

- Мам, - сказал сын, когда я замолчала. - Ты сейчас где? Дома?

- Да. На кухне. Он совсем недавно ушёл. Собрал вещи и куда-то уехал.

- Сиди на месте. Никуда не уходи. Я выезжаю, буду через сорок минут.

Эти слова он отрапортовал быстро, и положил трубку. Я ещё минуту держала телефон у уха, слушая тишину, потом опустила руку и вдруг поняла: я не могу ждать ни мгновения. Не могу оставаться одна в этой кухне, где всё ещё пахнет Сергеем, где на стуле лежит его забытая зажигалка, где на столешнице стоят эти дурацкие торты, которые я пекла для

него, думая, что делаю приятно.

Я набрала Илью. Ему было двадцать два и он - вечно занятый и в разъездах молодой человек, который только начал жить взрослой жизнью. Трубку сын взял не сразу, и каждый гудок отдавался в висках, словно выстрел.

- Мамуль? - услышала я его голос, чуть сонный и удивлённый. - Ты чего так поздно?

- Илюша, - сказала я и снова заплакала, потому что его голос такой родной и знакомый, окончательно сломал меня. - Твой отец нас бросил и ушёл к другой. К дочери Анжелы. Он сказал, что я для него тюрьма. Что он задыхается. Илюша, что мне делать?

Я повторяла и повторяла то, что стало своего рода моим приговором. Говорила одни и те же фразы сыновьям прежде всего потому, что сама не могла во всё это поверить.

Наступила тишина, я слышала, как Илья задержал дыхание. Потом выдохнул, и этот выдох был слишком спокойным и каким-то... контролируемым, что ли.

- Мам, - сказал он медленно. - Я сейчас в командировке в другом городе. Я не могу приехать прямо сейчас. Завтра утром вылечу, ладно? Ты только не делай глупостей, ты же сильная у меня. Мы что-нибудь придумаем.

- Ты знал? - спросила я вдруг, потому что в его голосе что-то меня насторожило. Какая-то фальшивая нота, словно он не удивлён и уже слышал эту новость раньше, но сейчас делал вид, что это для Ильи новость.

- Что? Нет, мам, с чего ты взяла? - слишком быстро ответил сын. - Я ничего не знал! Я в шоке, как и ты. Просто... не могу сейчас приехать. Понимаешь? Завтра я буду у тебя. Хорошо?

- Хорошо, - ответила я безжизненно. - Жду.

Я нажала отбой и уставилась в стену. Что-то было не так. Что-то кололо меня изнутри, но я не могла понять, что именно. Слишком больно было думать. Слишком страшно было копаться в деталях.

Мне нужна была подруга. Та, кто не будет успокаивать дежурными фразами «всё наладится», а просто побудет рядом. Потому я набрала Кристину.

Она взяла трубку после первого же гудка - впрочем, как и обычно.

- Ира? - голос у неё был встревоженный, она сразу поняла, что к чему. - Ты плачешь? Что случилось?

- Крис, - всхлипнула я. - Ты можешь приехать? Серёжа ушёл. К другой. К дочери своей бывшей. Я одна и мне очень плохо.

- Я выбегаю! - сказала Кристина без единой секунды колебаний. - Через десять минут буду. Сиди на месте и жди. Ничего не делай с собой, слышишь?

- Слышу, - прошептала я, хотя мне сейчас предположение Крис совершенно не показалось надуманным.

Сделать что-то с собой, когда я и так умерла - разве это не нечто закономерное?

Она положила трубку, а я осталась сидеть на кухне, обхватив себя руками, и только и делала, что качалась вперед-назад, как делала когда-то с младшим, когда он плакал по ночам. Только сейчас плакала я, но укачивать меня было некому.

Кристина ворвалась в дом как ураган ровно через озвученное ею время - растрепанная, без макияжа, в старых джинсах и свитере, явно надетом наспех. Она даже не разулась, так и промчалась ко мне в разношенном кроссовках, что я отметила краем сознания. Как деталь, за которую старалась уцепиться, чтобы немного отрезвиться обыденностью.

- Ирка, боже мой, - сказала она, обнимая меня так крепко, что кислорода не осталось - Ну что за козёл? Что за мразь? Я всегда знала, что он ещё покажет своё истинное лицо! Всегда, слышишь?

Я уткнулась в её плечо и разрыдалась. Она гладила меня по голове, по спине, что-то шептала - какую-то ерунду, призванную успокоить. Я не знала, сколько мы так просидели, но понимала, что каждая минута приближает приезд Антоны, а значит и шанс выжить.

- Давай, рассказывай всё по порядку, - сказала Кристина, когда мои всхлипы немного стихли. - Не пропуская деталей - что он сказал, как сказал, какие глаза у него были в этот момент.

И из меня слова тут же потекли потоком, только теперь бо-

лее связные, чем в тот момент, когда рассказывала обо всём сыновьям.

Кристина слушала, и её лицо темнело с каждой фразой. Когда я закончила, она стукнула кулаком по столу так, что чашки подпрыгнули.

- Да он просто спятил! - вскричала подруга. - Совсем с ума сошёл! Двадцать пять лет, Ира! Двадцать пять лет ты была ему женой, матерью его детей, ты вела дом, ты отдала ему свою молодость. А он тебе - квартиру в спальном районе? Деньги на первое время? Да он тебя купить хочет! Откупиться как от ненужной вещи!

- Я не знаю, что делать, Крис, - прошептала в ответ. - Я ничего не умею - я не работала никогда. У меня нет профессии. Я только готовить умею и быть женой. Хотя, в последнем сомневаюсь, раз он ушёл.

- Перестань! - Кристина схватила меня за плечи и ошутимо встряхнула. - Ты слышишь? Перестань так себя унижать. Ты - замечательная женщина, умная, красивая, талантливая. Ты готовишь так, что в ресторане за такими тортами очередь бы выстроилась. И ты не имеешь права просто так отпускать этого козла!

- А что я могу? - вскинула я на неё взгляд.

- А то! - Кристина заговорила горячо, быстро: - Ты не подписывай никаких бумаг, пока не сходишь к хорошему адвокату. И не соглашайся на эту квартиру, поняла? Ты имеешь право на половину всего, что вы нажили вместе. А нажили

вы много. Он бизнесмен, у него три ресторана, сеть магазинов. Это всё общее! Это ты стояла за ним, ты рожала ему детей, пока он там контракты подписывал. Ты не заслужила какую-то халупу в спальном районе!

Я слушала и не верила ей, потому что никогда не думала о деньгах. Мне хватало того, что Сергей давал. Я никогда не лезла в его дела и была благодарна за каждую копейку. А теперь Кристина говорит, что это моё? Что я имею право?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.